

*Мысин Ю.В.,
аспирант
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»*

Сказки В.С. Высоцкого как способ демифологизации действительности

В статье раскрывается понятие «демифологизация действительности» на примере стихотворений В.С. Высоцкого на сказочную тематику. Автор анализирует исторические, культурные и социальные предпосылки, в связи с которыми поэт обращается в своём творчестве к данной тенденции. В статье приводятся примеры демифологизации с точки зрения как отдельных особенностей персонажей, так и действительности в целом. Автор приходит к выводу о том, что данная тенденция в сказочных стихотворениях В.С. Высоцкого является реакцией поэта на социальные события и попыткой показать пути выхода общества из духовного кризиса.

Ключевые слова: Владимир Высоцкий; демифологизация; действительность; сказка; стихотворения на сказочную тематику; антисказка.

*Mysin Yuri,
postgraduate student,
Orel State University*

Vysotsky's Fairy Poems as the Means of Demythologization of the Reality

The article elaborates on the concept of demythologization of the reality in the context of V. Vysotsky's fairy poems and analyses the historical, cultural and social background as the source for the writer's inspiration and characters. The author comes to the conclusion that fairy world of Vysotsky's antitales is the writer's answer to the social and mental crisis and the attempt to break through trials and tribulations of everyday routine.

Keywords: Vladimir Vysotsky; demythologization; reality; fairy poems; fairy world; antitales.

В современном мире мифологизация распространяет своё влияние на человека и общество в целом. Эта проблема имеет социальный характер, поскольку во многих сферах жизни люди сталкиваются с внушением идей, побуждением к совершению тех или иных действий. И чтобы не быть поглощённым этим явлением, необходимо уметь отделять правду от вымысла. Примеры такой демифологизации можно найти в сказках В.С. Высоцкого, который стремился разрушить иллюзорные представления о реальности.

Термин демифологизация был введен в 40-х гг. XX века Р. Бультманом. Первоначально это понятие сводилось к «очищению» религиозных догм от мифологического элемента и их экзистенциальной трактовке [9]. В более

широком смысле этот термин можно рассматривать как рационализацию сознания, элиминацию из него мифологического толкования действительности и активизацию воли к пониманию.

Демифологизация, в той или иной степени, является обратной стороной мифологизации. Последняя отражает особенность восприятия действительности, сводя его в сознании людей к стереотипному мышлению и набору моделей поведения. Миф как духовное и культурное наследие является одним из частных носителей этих стереотипов и моделей. В данном случае понятие мифа выходит за рамки религиозного – это уже жизненные и социальные установки.

Причинами возникновения таких мифологических установок в сознании, как отдельного человека, так и общества в целом, по мнению исследователей, прежде всего, являются исторические факторы, в том числе политические идеологии. Миф представлял для людей явление, в котором содержалась необходимая информация об окружающем мире. Мифологизация проникает во все сферы жизни. Однако в XX веке отношение к мифу меняется – он становится иллюзией, ошибочным толкованием реалий. Его начинают воспринимать как навязанный способ понимания.

Отсюда и вытекает понятие «демифологизация», то есть переосмысление и переоценка шаблонов мышления и образцов поведения, анализ и критика устоявшихся в общественном сознании норм и идеалов [2, с. 3].

Своё отражение данное явление находит и в поэтическом творчестве. Особенно показательны в этом плане стихотворения В.С. Высоцкого на сказочную тематику.

Тенденция к демифологизации у него была вызвана, прежде всего, историческими предпосылками. Он творил в 60-70-е годы – период «оттепели» и последующего «застоя». В это время не раз происходит переоценка взглядов на жизнь, многие идеалы терпят крах. Либерализация в политике государства рождает утопические надежды в сознании людей. Общество становится охваченным мифотворческим мышлением.

Однако у интеллигенции вскоре наступает разочарование, что находит отклик в произведениях многих отечественных писателей и поэтов. Высоцкий в своём творчестве стремится разрушить мифологическое сознание. Он иронизирует над шаблонами и клише, которые прочно закрепились в общественном сознании и лишают людей рационального мышления [7, с. 49]. При этом оппозиционность его взглядов по отношению к строю не была вызвана политикой – причины были скорее аксиологическими [10, с. 63].

Ввиду осмысления ценностных ориентиров, Высоцкий создает целый ряд стихотворений на сказочную тематику, в которых переплетаются сказочное прошлое и реальное настоящее. На создание этих сказок повлияло творчество братьев Стругацких, в частности повесть «Понедельник начинается в субботу», где так же происходит сочетание сказочного и реального миров [8, с. 266]. У Стругацких такое совмещение идеализировано, сказочные персонажи в современном мире прекрасно приживаются, даже становятся лучше. Высоцкий

же занимает другую позицию: он говорит о том, что было бы на самом деле, оказались персонажи из сказки в советской реальности.

Вероятно, на столь разные позиции повлияло время написания: повесть Стругацких создана в период «оттепели», а почти все сказки Высоцкого – в последовавший за ним период разочарования [8, с. 273].

Но не только Стругацкие повлияли на написание этих сказок. Творчество Владимира Высоцкого зачастую было *комментарием* того, что он читал, слышал, видел. Можно выделить целый ряд источников прецедентных текстов. Среди них, в первую очередь, русский фольклор и классическая литература, также это произведения зарубежной литературы и искусства, мифы Древней Греции и многое другое [3, с. 244].

Использование фольклора у поэта имеет несколько особенностей. С одной стороны, он следует законам построения сказок, сохраняет образы русского фольклора, черты характеров персонажей, интонацию повествования, стилистические приёмы и т.д. [1, с. 50], [3, с. 245]; с другой – Высоцкий использует сказочные образы и сюжеты для переосмысления действительности. Он не пытается возродить сказочную модель – фольклор у него получает авторскую обработку.

Высоцкий называл своё стихотворение «Лукоморья больше нет» «антисказкой» [6, с. 94]. Но неоднократно авторы упоминают, что это определение подходит для многих его сказок [6, с. 94], [3, с. 250], поскольку в них он разрушает привычные стереотипы, критически изображая современный мир [5, с. 48]. Неслучайно А.С. Ананичев даже называет «Антисказку» Высоцкого советской антиутопией [8, с. 269]. М.В. Антонова, однако, утверждает, что это не антисказки, а «модификация литературной сказки», хотя в итоге она приходит к выводу, что «если в сказке всё не так как в сказке – значит «реальная реальность» стучится в дверь [1, с. 51].

Однако Высоцкий обращается к сказочным мотивам не для того, чтобы просто разрушить мифологию прошлого – он сопоставляет их с современной действительностью, чтобы очистить эту действительность от заблуждений, от пыли в глазах людей. А обращается поэт к архетипам фольклора потому, что стоит на позициях традиционных нравственных идеалов [10, с. 65], и именно в фольклоре он видит те ценности, на которых зиждется общество. Они служат гарантом того, что в сказках всё заканчивается хорошо, на них основаны сказочные идеализации.

Переноса сказку в современный мир, Высоцкий использует её как лакмусовую бумажку. Сказочная идиллия в этом мире рушится. Сказка перестаёт быть сказкой – всё в ней идёт вкривь и вкось. Это происходит потому, что в современном обществе ценности утрачены или подменены, а без них сказка не может существовать. Она не подкреплена надеждой людей на «счастливый конец». Высоцкий показывает общество таким, какое оно есть на самом деле, то есть демифологизирует действительность. В этом мире уже нет места сказке. Добро здесь не побеждает зло, но и зло не побеждает – ведь уже и чистых образов добра и зла нет: обе стороны несчастны, каждая по-своему.

В сказках Высоцкого демифологизация проявляется разными способами. Прежде всего, привычные стереотипы *принимают новый облик*. Поэт показывает, что современность иногда превращает их в противоположности.

В «Песне-сказке про джинна»¹ новый облик получает джинн, живущий в бутылке:

У вина достоинства, говорят, целебные, –
Я решил попробовать – **бутылку** взял, **открыл...**
Вдруг оттуда вылезло **чтой-то непотребное**:
Может быть, **зеленый змий**, а может – **крокодил!**
<...>
А оно – **зеленое, пахучее, противное** –
Прыгало по комнате, ходило ходуном, –
А потом послышалось пенье заунывное –
И виденье оказалось **грубым мужуком!** /1,167/

В мире сказочном джинн живёт в лампе, потеряв которую, можно выпустить его, после чего он исполнит три любых желания. В современном мире джинн живёт в бутылке вина, и выпустить его можно, просто вытащив пробку. Вполне вероятно, что Высоцкий отправляет его в этот сосуд неслучайно. Он неоднократно обращается к проблеме алкоголизма в своём творчестве, в том числе и в сказочном цикле.

Сам джинн получает совершенно «неволебенный» вид грубого «мужука». А его появление достаточно явственно изображает облик пьяного человека, то есть под влиянием «зелёного змия»: зелёный, пахучий, противный; с неадекватным поведением: прыгает по комнате, ходит ходуном, заунывно поёт.

Меняется не только облик сказочных персонажей – их *возможности в современном мире сужаются*. В песне-сказке «Про дикого вепря» мы видим, что король не имеет власти и силы, да ещё и страдает «желудком и астмой». Он не может приказать стрелку взять в жёны дочь: «Ведь это все же королевская дочка!.. // А стрелок: «Ну хоть убей – не возьму!» /1,131/ После долгих споров королю приходится уступить. А царь из стихотворения «В одной державе с населением...» вообще внешним видом ничем не отличается от остальных:

Царь в той державе был без лоску –
Небрит, небрежен, как и мы;
Стрельнет, коль надо, папироску, –
Ну, словом, свой, ну, словом, в доску, –
И этим бередил умы /2,179/.

Лишаясь сказочных качеств, персонажи *приобретают черты людей из современного мира*. Очень показательны в этом отношении строки из «Сказки о

¹ Здесь и далее в тексте приводятся стихотворения в соответствии с «Собранием сочинений в 2-х томах» под ред. А.Е. Крылова, 1994 г., в скобках указан номер тома и страница. В случаях, где указание отсутствует, строки приводятся в соответствии с текстом, опубликованным на официальном сайте Фонда В.С. Высоцкого. URL: <http://www.kulichki.com/vv/pesni/>

несчастливых сказочных персонажах»: «Хоть снимай меня с работы, // Ни за что не пропущу!» /1,189/ – клише из советской эпохи о человеке, честно выполняющем свою работу [4, с. 7]; «Я dokonчу дело, взявши обязательство!» /1,189/ – ещё одно популярное клише в СССР об обещании добиться какого-то общественно-значимого результата, особенно популярное в использовании в 1967-м (50-летие Великой Октябрьской революции) – как раз году написания этой сказки [4, с. 13]. Кстати, от последней фразы и умирает Кощей. «Вот она, сила Слова! Клишированного. Бессмысленного», – отмечает по этому поводу В.П. Изотов [4, с. 14].

«Осовременивание» также происходит в стихотворении «От скучных шабашей...» /1,196/. Персонажи там очень легко вписываются в современную действительность: «Освоились быстро, – // Под видом туристов // Поели-попили в кафе «Гранд-отель». Вурдалак «спрятал клыки» и стал «красавчиком», леший бреется, ведьмы отправились смотреть бега «И там проиграли // Ни много ни мало – // Три тысячи в новых деньгах», а домовый вообще ушёл в запой. Следом за ним, кстати, и леший идёт напиваться в кафе, глядя, как сказочная нечисть сходит с ума в современном мире. Вурдалак тоже не удерживается от соблазна и, «найдя себе вдовушку», выпивает «ей кровушку», после чего отправляется спать на софу. Город здесь является носителем пороков, при этом он ещё и прививает их сказочным и без того отрицательным персонажам, то есть не борется со злом, а поддерживает его [8, с. 272]. Такая реальность пагубно влияет на всех персонажей. Какой же она должна быть, чтобы «зло» стало ещё хуже?

Становясь ближе к современным объектам, персонажи ведут себя иначе. И их *цели и стремления* в этом мире иногда изменяются до неузнаваемости. Например, стрелку из песни-сказки «Про дикого вепря» /1,131/ король предлагает в награду за победу над «чудой-юдой» свою дочь, однако стрелок отказывается:

<...> «Да это что за награда?!
Мне бы – выкатить **портвейна бадью!**»
Мол, принцессу мне и даром не надо, –
Чуду-юду я и так победю.

Сюжет этой песни взят из «Сказки о пастухе и диком вепре» Н.М. Языкова, в которой «Со всех сторон стрелки и собачеи // Пустилися на дикого вепря», ради руки принцессы, что и прекрасна, и умна. В оригинальной сказке вепря побеждает пастух и сразу же идёт с головой зверя к королю, чтобы стать его зятем. Но у Высоцкого стрелок смотрит на ситуацию иначе: он предпочитает принцессе портвейн. Очередной раз язвительный выпад поэта против алкоголизма. Не исключено, что стрелок просит именно портвейн по той причине, что в СССР до 1985 года он был самым популярным из всех видов вина.

Такое же желание, выпить, возникает у рассказчика из «Песни-сказки про джинна»: «Ваше предложение, – говорю, – убогое. // Морды будем после бить –

я вина хочу!» /1,167/. Он прекрасно понимает, что может просить всё, что угодно, но при этом больше всего хочет вина. Таков идеал и ценность современного человека.

«Осовремениваются» у Высоцкого не только персонажи – происходит это и с *самим окружающим миром*. Во-первых, можно увидеть вторжение в мир сказочный объектов современного мира, что и происходит в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» /1,189 /: в ней фигурирует здание Секретариата ООН [4, с. 5]. Причём эта организация здесь не выполняет своих функций по поддержанию мира и безопасности, поскольку «В этом здании царица // В заточении живёт». Во-вторых, мир сказочный, вымышленный, в стихотворении «Бывало, Пушкина читал до зорь я...» становится реально существующим: «И вот сейчас я нахожусь у Лукоморья, // Командированный по пушкинским местам».

Особо стоит обратить внимание на то, что практически все персонажи сказок Высоцкого, попадая в современность, *оказываются несчастны*.

Ярче всего это выражено в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» /1,189/. Само название уже говорит за себя. В здании ООН царицу стережёт чудище, «по-своему несчастное и кроткое»:

От большой тоски по маме
Вечно чудище в слезах, –
Ведь оно с семью главами,
О пятнадцати глазах.

Несчастен и Кощей: «от любви к царице высох и увял», да ещё и зверь, которого он собственноручно поставил охранять царицу, теперь его к ней не пускает. Кроме того, при встрече с Иваном, он говорит, что рад бы умереть, но, увы, не может, потому что бессмертный. Так называемая «лесная голытьба» тоже претерпевает беды: у Ивана все идут в разнос – и баб-яги, и молоденькие «ведьмочки», которых он убивает. Но эти «подвиги» Высоцкий называет напрасными – ни к чему была это борьба и эти смерти. В конечном счёте Иван идёт к «бедной» узнице, но от того ли она бедная, что находится в заточении – может потому, что к ней вместо Кащея приходит «герой» ничуть не лучший – убийца и дурак?

Кстати, о «дураке». М.Горький говорил, что в сказках этот персонаж всегда оказывается умнее тех, кто его презирает, и выходит победителем в трудных ситуациях [11]. Однако у Высоцкого современность делает из него дурака в прямом смысле. В.П. Изотов, анализируя «Сказку о несчастных сказочных персонажах», указывает, например, на деградацию Ивана от доброго молодца до дурака [4, с. 8]. Помимо этого «Иван себя не помнит» /1,189/, то есть не уважает или попросту не знает свою историю и традиции. Может, потому он и забыл или не знал, что смерть Кащея не в бороде («Щас, – говорит, – бороду-то мигом обстригу! // Так умри ты, сгинь, Кощей! <...>»).

Сомнительна победа дурака и в стихотворении «Лежит камень в степи» /1,36/. Двое других путников оказываются несчастными: первый «ничего не

нашёл» и «обратно пришёл», а второй «никуда не добрёл и тоже вернулся обратно, при этом, вернувшись, начал с горя пить. Дураку же, по логике, должен был остаться правильный путь, раз другие два оказались неудачными. И, казалось бы, он, действительно, выбирает беззаботный путь: «И совсем не страдал, // Пил, гулял и отдыхал». Но при этом он «ничего не понимал». Значит и жизни он не ощутил, да и вообще не осознавал, что живёт. И ушёл он туда, откуда нет возврата [12]. Но поскольку ничего не понимал, потому «и не сгинул, и не пропал». Можно ли в таком случае считать дурака удачливым или счастливым? В итоге весь трагизм в том, что персонажи зашли в тупик, из которого нет правильного выхода. Может, нужно вернуться назад и пересмотреть путь, по которому они шли, чтобы всё-таки иметь право выбора? Если бы они в своём пути руководствовались правильными идеалами, то их судьба сложилась бы совсем иначе.

Совершенно чудовищным выглядит весь мир «Лукоморья» у Высоцкого. То, что всегда было дорогим для сказочных персонажей, теперь «продаётся, предаётся, тотально уничтожается и переделывается» [1, с. 51]. Реальный мир довёл дядьку морского до того, что он «с окружающими туп стал и груб»; а Русалка «честь недолго берегла» и родила от 33 богатырей сына. Причём никто из них не хочет брать на себя ответственность за это. И Русалка вынуждена идти к жуткому колдуну, чтобы не остаться матерью-одиночкой. Но «пошла она к ему, как в тюрьму» /1,186/.

Продолжить список несчастных можно всеми героями из «От скучных шабашей...» /1,196/, опозорены стрелком король с дочерью («Про дикого вепря» /1,131/), бедному джинну, который хотел «как лучше», заломали руки за спину и увезли в тюрьму («Песня-сказка про джинна» /1,167/).

По сути, в сказках Высоцкого нет ни одного по-настоящему счастливого персонажа. Но таким становится, по мнению поэта, мир: разобщённым, циничным и мрачным. Реальность «отравлена», в ней «утро с вечером переменили». Теперь девицы день и ночь пьют зелье, и сам царь «пьянство почитал за благо» /2,179/. В обществе появляется много Муромских лесов (притоны разбойников), а злые персонажи теперь появляются во множественном числе: кощеи, баб-яги, соловьи-разбойники, кикиморы, лешие и т.д.

В конечном счёте, от сказки не остаётся и следа:

Лежали банки на невидимой дорожке,
А изб на ножках – здесь не видели таких.
Попались две худые мартовские кошки,
Просил попеть, но результатов никаких.

Невиданных зверей отловили егеря /1,186/, подножие Лысой горы развалилось /1,196/, «дурачина» оказался у себя на сеновале «в чём родили» /1,216/. Ужасно и то, что, не устояв перед искушением, на другую сторону переходит главный борец за правое дело: «<...> сам глава непьющих, // Испробовавший вкус вина» /2,179/.

Но и это не самое печальное – хуже всего то, что «древо» жизни, гармонии и мира, которое олицетворяет Дуб у Лукоморья, уничтожено: «Порубили все дубы на *гробы*» /1,186/. Основы основ оказались *похоронены*.

Современный век напрочь уничтожил сказку [8, с. 273]. А.В. Кулагин называет эту картину «апокалиптической» [6, с. 92]. Но, пожалуй, и это ещё не конец:

Раз уж это присказка –
Значит, сказка – дрянь /1,186/.

Это только начало. Если общество не остановится, не взглянет честно и откровенно на мир, в котором живёт, то погрязнет в этих пороках до конца, безвозвратно.

Высоцкий создаёт антиутопию. Но он хочет «встряхнуть» общество, развеять мифы, скрывающие правду от людей. Его демифологизация направлена на современную действительность, чтобы каждый понял: «Да это ж – про меня! // Про нас про всех – какие, к черту, волки!» /1,387/. Мир катится по наклонной, но его ещё можно спасти. Для этого нужно вспомнить, какие ценности всегда культивировались человечеством – доброта, любовь, честность, мужество, ответственность и многие другие нравственные идеалы, которые будут вести людей к свету, а не в крошечную тьму.

Список литературы

1. Антонова М.В. Особенности создания казочного мира в поэзии В.С. Высоцкого // Высоцковедение и высоцковидение. Сборник научных статей. Орел: ОГПУ, 1994. С. 48-55.
2. Глазкова Т.А. Демифологизация реальности в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: Автореф. дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.01 / Глазкова Татьяна Александровна; РГГУ. М., 2009. 25 с.
3. Евтюгина А.А. «Читайте простонародные сказки...» // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Выпуск II / Сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербакова. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1998. С. 244-256.
4. Изотов В.П. Комментарий к «Сказке о несчастных сказочных персонажах» В.С.Высоцкого. Орёл. 2010. 22 с.
5. Климакова Е.В. Мифопоэтические аспекты творчества В. С. Высоцкого : Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Климакова Екатерина Валерьевна; НГПУ. Новосибирск, 2010. 180 с.
6. Кулагин А.В. «Лукоморья больше нет». В жанре «антисказки» // Высоцкий и другие: Сб. ст. М.: Благотворительный фонд Владимира Высоцкого, 2002. С. 90-101.
7. Орловская Т. Мифология в поэзии Высоцкого // В. ВЫСОЦКИЙ: ВСЁ НЕ ТАК. Мемориальный альманах-антология / Ред.-сост. А.Базилевский. М.: Вахазар, 1991. С. 49.

8. *Толоконникова С.Ю.* Бард, неомифологическая ирония и научная фантастика. Интерпретация одного из возможных подтекстов сказок В. Высоцкого // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. V. / Сост. А.Е. Крылов и В.Ф. Щербакова. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2001. С. 264-273.
9. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
10. *Шилина О.Ю.* Нравственно-психологический портрет эпохи в творчестве В. Высоцкого. Образная система // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Выпуск II / Сост. А. Е. Крылов и В. Ф. Щербакова М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1998. С. 62-80.
11. *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. Школа, 1981. 221 с. URL: http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/1_1.html
12. *Скобелев А. В., Шаулов С. М.* «Но вспомнил сказки, сны и мифы...» истоки народно-поэтической образности // Миры Высоцкого [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://vv.mediaplanet.ru/books/Skobelev_SHaulov-Mir_i_slovo/005/.text
13. *Шамякина С.* Сказочный камень на перекрестке дорог: семантика и символика // Филологический факультет БГУ [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: [http://www.philology.bsu.by/documents/index.php?dir=Кафедра тэоры літаратуры/Папкі выкладчыкаў/Шамякіна С.В/](http://www.philology.bsu.by/documents/index.php?dir=Кафедра%20теории%20литературы/Папки%20выкладчика/Шамякина%20С.В/)

References

1. *Antonova M.V.* Special aspects of the Fairy World of V.S. Vysotsky's Poetry // *Vysotskovedenie and Vysotskovidenie. Collected articles.* Orel, 1994: 48-55.
2. *Glazkova T.A.* Demythologization of the Reality in M.E. Saltykov-Shchedrin's works: author's abstract. Moscow, 2009. 25 p.
3. *Evtuygina A.A.* «Read folk tales...» // *Vysotsky's World: Research and Materials. Part II.* Moscow, 1998: 244-256.
4. *Izotov V.P.* The commentary on «The Tale about Unhappy Fairy Characters» by V.S. Vysotsky. Orel. 2010. 22 p.
5. *Klimakova E.V.* Mythopoetic aspects of V.S. Vysotsky's works: dissertation. Novosibirsk, 2010. 180 p.
6. *Kulagin A.V.* «Lukomorye No More». In the Genre of «antitale» // *Vysotsky and others.* Moscow, 2002: 90-101.
7. *Orlovskaya T.* Mythology in Vysotsky's Poetry // *V. Vysotsky: Things are not as they used to be. Commemorative anthology.* Moscow, 1991: 49.
8. *Tolokonnikova S.Y.* The Bard, Neomythological Irony and Science Fiction. Interpretation of one of the possible subtexts of V. Vysotsky's Fairytales // *Vysotsky's World: Research and Materials. Part V.* Moscow, 2001: 264-273.

9. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1983. 840 p.
10. *Shilina O.Y.* Moral and Psychological Portrait of the Soviet Era in the Works of V. Vysotsky. Imagery System // Vysotsky's World: Research and Materials. Part II. Moscow, 1998: 62-80.
11. *Lazutin S.G.* Poetics of Russian Folklore: textbook for Philology students. Moscow, 1981. 221 p. URL: http://www.infolib.info/philol/lazutin/1_1.html
12. *Skobelev A.V., Shaulov S.M.* «But I remembered fairy tales, dreams and myths...» the Origins of the Folk Poetic Imagery // Vysotsky's World. URL: http://vv.mediaplanet.ru/books/Skobelev_SHaulov-Mir_i_slovo/005/.text
13. *Shamyakina S.* Fabulous Stone at the Crossroads: Semantics and Symbolism. URL: http://www.philology.bsu.by/documents/index.php?dir=Кафедра_теории_литературы/Папки_выкладчика/Шамякина_С.В/